

А. Ю. Веселова^a

ORCID: 0000-0001-6679-7815
✉ aveselova@inbox.ru

М. П. Милютин^b

ORCID: 0000-0002-9872-3383
✉ miljutin777@yandex.ru

^a *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

^b *Академическая гимназия им. Д. К. Фаддеева СПбГУ
(Россия, Санкт-Петербург)*

«КОГДА ИМЕТЬ ТЫ, СМЕРТНЫЙ, ХОЧЕШЬ СЧАСТЛИВУЮ НА СВЕТЕ ЖИЗНЬ...»: ФИЛОСОФИЯ СЧАСТЬЯ В СОЧИНЕНИЯХ А. Т. БОЛОТОВА

Аннотация. А. Т. Болотов, русский писатель и мемуарист второй половины XVIII — начала XIX в., может считаться одним из основных теоретиков и практиков счастья в русской культуре своего времени. Во-первых, он является автором трехтомного труда под названием «Путеводитель к истинному человеческому счастью», а также оды «К человеку, хотящему быть счастливым» и целого ряда мелких стихотворений и эссе, посвященных этой теме. Концепция счастья, изложенная в этих сочинениях, во многом компилятивна и основана на нескольких авторитетных для Болотова трудах немецких философов (прежде всего И. Г. Зольцера и Х. А. Крузия). Но «Путеводитель» — единственное на русском языке сочинение о счастье такого объема, изданное в ведущей русской типографии Н. И. Новикова и учитывающее новейшие достижения европейской философской мысли. Во-вторых, в мемуарах и сопутствующих им текстах Болотов постоянно приводит читателя к мысли о том, что благодаря правильно выбранной жизненной стратегии он представляет собой образец счастливого человека и надеется на передачу этого опыта другим людям, как потомкам, так и сторонним читателям. Во многом именно эта практическая философия является для Болотова оправданием в том, что он предлагает читателю описание своей повседневной жизни. В данной статье рассматриваются три основных сюжета: суть болотовской концепции счастья, ее иностранные источники, а также примеры ее практического применения и распространения. В статье использованы неопубликованные архивные материалы из личных фондов Болотова и его семьи.

Ключевые слова: философия счастья, А. Т. Болотов, русская литература XVIII в., мемуары

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01402, <https://rscf.ru/project/22-28-01402>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Веселова А. Ю., Милютин М. П. «Когда иметь ты, смертный, хочешь счастливую на свете жизнь...»: философия счастья в сочинениях А. Т. Болотова // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 208–225. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-208-225>.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2022 г.

Принято к печати 17 июля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 4. 2022
Articles

A. Yu. Veselova ^a

ORCID: 0000-0001-6679-7815

✉ aveselova@inbox.ru

M. P. Miliutin ^b

ORCID: 0000-0002-9872-3383

✉ miljutin777@yandex.ru

^a *Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS
(Russia, St. Petersburg)*

^b *Faddeev Academic Gymnasium of St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)*

“WHEN YOU, MORTAL, WANT TO HAVE A HAPPY LIFE IN THIS WORLD...”:

A. T. BOLOTOV’S PHILOSOPHY OF HAPPINESS

Abstract. A. T. Bolotov, a Russian writer and memoirist of the second half of the 18th — early 19th century, can be considered one of the main theorists and practitioners of happiness in Russian culture of his time. Firstly, he is the author of a three-volume work entitled *A Guide to True Human Happiness*, as well as the ode “To a person who wants to be happy”, and a number of short poems and essays on this topic. The concept of happiness outlined in these writings is largely a compilation and is based on several works by German philosophers whom Bolotov regarded as authoritative (primarily J. G. Sulzer and Ch. A. Crusius). But *A Guide* is the only major Russian-language work on happiness, published by the leading Russian printing house owned by N. I. Novikov, and taking into account the latest achievements of European philosophical

thought. Secondly, in his memoirs and accompanying texts, Bolotov constantly leads the reader to the idea that, thanks to a correct life strategy, he himself is a model of a happy person and hopes to pass on this experience to other people, both his descendants and strangers. To a large extent this practical philosophy serves Bolotov as justification for offering the reader a description of his daily life. The proposed article discusses three main subjects: the essence of Bolotov's concept of happiness, its foreign sources, as well as examples of its practical application and dissemination. The article uses unpublished materials from the personal archival funds of Bolotov and his family.

Keywords: philosophy of happiness, A. T. Bolotov, 18th century Russian literature, memoirs

Acknowledgements. The study was supported by grant from the Russian Scientific Foundation no. № 22-28-01402, <https://rscf.ru/project/22-28-01402>, IRLI RAS.

To cite this article: Veselova, A. Yu., & Miliutin, M. P. (2022). "When you, mortal, want to have a happy life in this world...": A. T. Bolotov's philosophy of happiness. *Shagi / Steps*, 8(4), 208–225. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-208-225>.

Received June 3, 2022

Accepted July 17, 2022

Андрей Тимофеевич Болотов, русский писатель и мемуарист второй половины XVIII — начала XIX в., по праву может считаться одним из основных теоретиков и практиков счастья в русской культуре своего времени. Во-первых, он является автором написанного в 1770–1772 гг. и впоследствии напечатанного в типографии Н. И. Новикова трехтомного труда под названием «Путеводитель к истинному человеческому счастью» [Болотов 1784; 2012]. Стоит отметить, что это беспрецедентное по объему (более тысячи страниц в 8^о) философское сочинение на тему счастья на русском языке, изданное в ведущей русской типографии того времени. Помимо «Путеводителя» Болотов в 1793–1794 гг. написал пространную оду «К человеку, хотящему быть счастливым» [Собрание мелких сочинений 1794. Л. 140–153], из которой нами заимствована цитата, приведенная в названии статьи. Наконец, его перу принадлежит целый ряд мелких стихотворений и эссе (значительная их часть никогда не была опубликована), посвященных теме достижения счастья. Во-вторых, в мемуарах [Болотов 1870–1873], создававшихся на протяжении более половины долгой жизни автора, и в сопутствующих им текстах Болотов постоянно приводит читателя к мысли о том, что благодаря правильно выбранной жизненной стратегии он представляет собой образец счастливого человека и надеется на передачу этого опыта другим людям.

Полагая, что «философия счастья» являлась центральным сюжетом в болотовских автобиографических и философских сочинениях [Веселова, Милютин 2021], авторы статьи рассматривают в ней три основных аспекта: суть

болотовской концепции счастья, ее источники, а также примеры ее практического применения и распространения.

Как видно даже из самих названий трактата и оды, Болотов интересовал прежде всего практический аспект вопроса о счастье, способ достичь его в жизни. Именно он, по его мнению, издавна занимал ученых-философов:

Истинное благополучие или блаженство нынешней человеческой жизни было всегда великим предметом, к которому и древних и новых веков многие ученые люди равно как к некоей знаменитой цели направляли свои мудрствования [Болотов 2012: 356].

Тем не менее такая постановка вопроса нуждалась в оправдании, и Болотов успешно находит его в самом стремлении человека к достижению счастья, которое заключается в благополучии:

Всем нам то сродно, чтоб благополучие себе желать, и я не надеюсь, чтоб нашелся кто-нибудь на свете, который бы счастливым быть не хотел [Там же: 362].

На этом основании Болотов делает вывод, что подобное стремление вложено в человека самим Творцом:

Когда мы о сем высочайшем существе довольно знаем, что все дела его премудры и совершенны и ни одного из них напрасного и нестройного нет и быть не может, то лъзя ли нам подумать, чтоб он такое всеобщее и во всех наших делах наивеличайшее участие имеющее желание тщетно в нас вложил, и мы совершения оного напрасно ищем? [Там же: 362].

Очевидно, что обусловленное волей Бога человеческое желание счастья должно быть удовлетворено. Между тем наблюдения над человеческой жизнью показывают, что человеку скорее свойственно ощущать себя несчастным:

Всегда ему чего-нибудь не достает, и он, благополучие свое несовершенным почитая, завсегда оного еще ищет [Там же: 363].

Размышление над этим противоречием приводит Болотова к нескольким выводам:

Во-первых, что совершенное благополучие есть и ему не быть не можно. Во-вторых, что оно совсем не в том состоит, в чем большая часть людей его полагает. В-третьих, что в самом совершенстве его в нынешней жизни получить нельзя, а только до некоторого знатного градуса или степени доводить можно, получение же совершенного представлено будущей жизни. А в-четвертых, наконец, что и помянутый градус с тем только условием приобрести можно, когда благополучие прямым и натуральным путем и надлежащими способами искано и приобретается будет [Там же: 364].

«Путеводитель к истинному человеческому счастью» посвящен подробному рассуждению об этих способах «снискания благополучия».

Прежде всего Болотов считает необходимым определить, в чем же заключается само благополучие. По его мнению, оно состоит в «множайшем количестве веселий, а в меньшем числе неудовольствий и печалей...» [Болотов 2012: 396]. Эту мысль Болотов, склонный к многократному повторению ключевых для него идей, впоследствии изложил и в стихах. В позднем рукописном сборнике «Ни то ни се, или Кое-что могущее служить в пользу тому, кто иметь ее похочет» помещено стихотворение «О приятных чувствованиях в жизни», которое начинается так:

Когда все истинное счастье, или блаженство наших дней
Наиглавнейше в том едином во время жизни состоит:
Чтобы иметь как можно боле, веселых в жизни нам минут
И удовольствиив сердечных, невинных радостей, утех...
[Ни то ни се 1820. Л. 3]

Таким образом, в жизни нужно стремиться к тому, чтобы «умножать свои увеселения и уменьшать, сколько можно, неудовольствия, буде хотим быть благополучными» [Болотов 2012: 385]. Исследуя возможные причины «веселья» в жизни человека, Болотов приходит к выводу, что оно происходит от удовлетворения желаний:

Я, разбирая обстоятельства сих желаний, нахожу, что каковы они с
наружного виду сами собою и ни различны, но конец или предмет
всех их едва ли не один, а именно веселие [Там же: 373].

Многообразие человеческих желаний он рассматривает в духе традиций нравоучительной литературы, т. е. на примере ряда вымышленных персонажей (например, Дамона, Адриана, Клеона, Оронта и т. д.), каждый из которых одержим каким-то стремлением. Но так как не все желания могут быть воплощены, а удовлетворение некоторых из них может нанести человеку вред, то необходим разумный выбор:

...нам между ими разбор делать надобно, и как, с одной стороны,
стараться должно такие угнетать и усмирять, которых насыщение со
многими препятствиями сопряжено, так, напротив того, такие в себе
возбуждать и питать надобно, которые легко удовольствованы быть
могут... [Там же: 396].

Болотов адресовал свою книгу широкому кругу читателей, не владеющих философским языком. Поэтому он использует многочисленные аллегории, которые, как ему казалось, упрощают восприятие текста. Так, желания он именует «зверками», которых для их удовлетворения нужно кормить и ласкать, а мысли — «птичками», которые то спят, то бодрствуют. Деля желания на скотские (т. е. первичные, присущие и животным потребности в пище, тепле и т. д.) и человеческие, он первых называет «матросами» корабля, а вторых — «пассажирами». «Корабль» же — это человеческое тело,

в котором «каюта» — душа, а «канаты и веревки» — нервы. «Птички» и «зверки» находятся в своеобразной иерархии по отношению друг к другу. «Птички» находятся наверху этой «табели о рангах», командуя «матросами» и одновременно следя за тем, чтобы «пассажиры» не препятствовали движению корабля [Болотов 2012: 401–407]. Болотов подробно излагает механизм взаимодействия всех составных частей этой сложной аллегорической комбинации. Но в небольшой статье у нас нет возможности уделить этому достаточно внимания, как и целому ряду других приводимых Болотовым аллегорий.

Как следует из приведенного выше рассуждения и рассмотренной аллегории, в первую очередь нужно научиться обуздывать невыполнимые желания:

...не самая ли была бы глупость, естли б кто похотел себя тем ласкать и стал бы искать невозможного и, так сказать, усиленно против рожна прать [Болотов 2012: 379].

Но, помимо земного измерения важнейшую роль в этой своеобразной иерархии удовольствий и желаний играет ее соотнесение с волей Творца:

Намерения великого Создателя притом клонились к тому, чтоб мы делали сами между сими желаниями разбирательство и не давали бы волю им по своему хотению в нас действовать и нами обладать, но чтоб владели мы оными и, производя в себе более такие, которые легко исполнены быть могут, могли во всегдашнее время производить в себе веселия и радости [Там же: 393].

Сделать это можно только в процессе постижения божественной воли через сотворенный им мир и человеческую душу.

Рассуждая о том «конце, на который дана нам нынешняя жизнь», Болотов пишет:

...собственное веселие есть только побочный конец, а первым и главным мы не себя собственно и не свое благополучие, а единственно добродетель почитать должны... [Болотов 2012: 604].

Стремление к добродетели оказывается естественным для всякого здравомыслящего человека, так как является залогом будущего блаженства. Мысли об этом и доставляют человеку истинное «увеселение»:

Но что ж бы мы веселием при том называли, как не то состояние души, в котором она тогда находилась, когда помянутое исполнение желания ее происходило? [Там же: 386].

Выбор человека должен останавливаться на тех удовольствиях, которые могут доставить ему подобное «веселие», заключенное в осознании приближения к божественной истине, т. е. прежде всего на умственных. В стихотворении «О выгодах житейских вообще» Болотов сформулировал это так:

К произведению веселья и удовольствия в душе,
Хорошим и невинным средством быть может всем и навсегда
Если почаще станем в жизни свой разум принуждать к тому
Чтоб он рассматривал и мыслил, и беспристрастно рассуждал...
[Ни то ни се 1820. Л. 6]

Объяснив специфику человеческой души и ее связи с Богом, Болотов переходит к формулировке конкретных правил достижения благополучия:

Итак, если вы хотите умножить количество ваших увеселений, то
1) увеличьте в себе любовь к Богу и человекам; 2) приучите себя
к мысленным увеселениям; 3) привыкайте к неубыточным и удо-
боизобрегаемым увеселениям; 4) чувственными увеселениями на-
слаждайтесь умеренно; 5) пользуйтесь увеселениями разнообразно
и не менее будущими и прошедшими, сколько настоящими [Болотов
2012: 702].

В «Путеводителе» Болотов подробно останавливается на тех увеселениях, которые полагает предпочтительными. Это молитва и приношение благодарностей Творцу, наслаждение красотой природы (и садоводство как частный случай этого процесса), занятие науками и творчеством, чтение, беседа с друзьями (это наслаждение стоит в болотовском списке последним, так как оно требует участия второго лица и потому не всегда возможно). Все перечисленные удовольствия, соединяющие этический идеал с эстетическим, являются в первую очередь мысленными и способствуют развитию личности, что само по себе богоугодное дело.

Следует отметить особую роль «науки чувствовать красоту», т. е. искусства наслаждаться красотой природы, как в приведенном перечне «правильных» наслаждений, так и в жизни Болотова в целом. Можно сказать, что созерцание природы доставляло ему едва ли не самую большую радость в жизни и определило его весомый вклад в развитие садоводства в России. Еще в конце 1750-х годов Болотов познакомился с ранними работами немецкого мыслителя И. Г. Зильцера (1720–1779), посвященными «блаженному искусству» «увеселения красотой и устройством натуры» [Sulzer 1745; 1750]. В воспоминаниях Болотов упоминает, что тогда же осуществил их перевод на русский язык [Болотов 1870–1873 (2): 66], а в 1769 г. готовил его к изданию в Москве, но это предприятие оказалось неудачным [Там же: 810]. Рукопись болотовского перевода не сохранилась. Позднее эти сочинения Зильцера были опубликованы в России в другом переводе [Зильцер 1777]. В мемуарах Болотов особо отметил значение этих книг именно для повышения «градуса веселья» во всей его жизни:

... я и сим знаниям весьма многим обязан в жизни моей, и они помогли мне препроводить ее несравненно веселее обыкновенного и имели во всю жизнь мою великое влияние [Болотов 1870–1873 (2): 66].

Опираясь на труды Зильцера, Болотов позднее предпринял несколько самостоятельных попыток создавать природоописательные сочинения (см.: [Деминский 1993]), для чего даже составил своего рода пособие под названи-

ем «Опыт руководства к описыванию красоты и приятностей натуры» [Опыт руководства 1788]. В нем приводится список природных явлений (небо, земля, леса, поля, птицы, звери и т. д.), подобраны подходящие к ним эпитеты и сравнения, описаны способы постижения окружающего мира (зрение, слух, обоняние и т. д.) и дан ряд подходящих формулировок для разных композиционных частей сочинения.

Чувствительность к природным красотам была для Болотова важным критерием при выборе круга общения. В этом отношении очень показателен один эпизод из его мемуаров. В 1774 г. Болотов участвовал в межевании Киясовской волости, которую впоследствии принял в свое управление. Вместе с А. М. Салтыковым, принимавшим участие в этом процессе с другой стороны, он отправился в Киясовку. Опасаясь, что придется всю дорогу томиться скукою с мало-знакомым собеседником, Болотов предпринял попытку узнать его «душевные и телесные» свойства, заведя разговор о красоте окружающей природы:

И как по счастью взъехали мы тогда на одно возвышение, с которого видны были прекрасные положения места и представлялись очам преузорочные зрелища, то рассудил я употребить самые их и поводом к особенному разговору и орудием к замышляемому испытанию. Или, простей сказать, прощупать у него пульс с той стороны [Болотов 1870–1873 (3): 398].

Испытание состояло в том, что мемуарист начал вслух восхищаться красотой места: «Ах! Какие прекрасные положения мест и какие разнообразные и прелестные виды представляются глазам всюду и всюду» и т. д. Собеседник Болотова, узнав, что тот «как-то с молодых еще лет <...> имел счастье познакомиться с натурою и узнать драгоценное искусство утешаться всеми ее красотою и изяществами», отреагировал восторженно: «Что я слышу! И ах! Как вы меня обрадовали! <...> я нашел в вас то, чего желал, и чего всего меньше ожидал!» [Там же]. Дальнейшая дорога протекла не только без скуки, но во взаимном удовольствии от «важных и приятных» разговоров, касавшихся «то до наук, то до литературы, то до физических и нравственных предметов» [Там же: 400], а дружеское общение впоследствии было продолжено.

Наконец, заметную часть болотовского неопубликованного наследия составляет натурологическая поэзия, в основном относящаяся к позднему периоду его творчества (см.: [Веселова 2014]). Именно из стихотворения, посвященного наслаждению природой, возникла ода о счастье, представляющая собой лаконичное и императивное изложение основных положений «Путеводителя». Об этом есть соответствующая запись в дневниковых заметках 1774 г.:

Была у меня сочинена ода «Наука веселиться Натурою», но велика, я разорвал ее и отделил часть и переписал под заглавием «К человеку хотящему быть счастливым» и прибавил к ней начало и конец [Продолжение описания моей жизни 1793–1794. Л. 218].

В оде о счастье наука «Внимать и чувствовать красы / И прелести всея природы» именуется «драгоценной», но мало кому известной, несмотря на то что именно она может:

Минут премножество веселых
Во всяко время доставлять.
И тем прямое счастье в жизни
Себе искать им помогать...
[Собрание мелких сочинений 1794. Л. 152 об.]

Кроме положительных примеров, Болотов также подробно перечисляет в оде пагубные удовольствия, которые могут искушать человека и в результате привести к печальным последствиям (пьянство, любострастие, стяжательство, охота и т. д.). В итоге он утверждает идеал счастливого человека, осмотрительного в выборе наслаждений:

Он первым правилом во всю жизнь
Себе то ставит завсегда,
Чтоб не желать ему избытков,
Но быть довольну тем одним,

Чем некогда угодно было
Его в сей жизни одарить
Святейшей воле его Бога,
Или угодно будет впредь.
[Собрание мелких сочинений 1794. Л. 141]

После подробного разбора желаний и предписаний по их выбору и ограничению автор оды заключает свое произведение такими словами:

Счастлив и ты, о смертный, будешь,
Когда примеру ты сему
Последовать во всем похочешь
И счастья сим путем искать.

Путем, который всех вернее
Доставить счастье может нам,
И нас до цели вожденной
Довести счастливо в жизни сей.
[Собрание мелких сочинений 1794. Л. 153]

В своих рассуждениях Болотов не был оригинален и нисколько на оригинальность и не претендовал. В предисловии к «Путеводителю» он пишет, что поскольку наука нового времени весьма продвинулась в изучении вопроса о том, как стать счастливым, «то самое сие и побудило меня в пользу моих сограждан испытать силы свои в рассуждениях о столь великой и важной материи; тем наипаче, что новые сии открытия не так еще в свете знакомы, что были всем ведомы, а того меньше в нашем любезном отечестве...» [Болотов 2012: 359]. Стоит отметить, что он подчеркивает новизну этих «открытий». Действительно, как будет показано далее, Болотов опирался на современные ему философские труды, хотя и не определившие магистральное направление развития европейской философии, но во многом новаторские для своего времени, особенно в России, где в области образования все еще господствовало

вольфианство. Намекая на источники своей теории, Болотов именуется поваром, приготовившим читателю немецкое кушанье, которое может быть и не всегда сладко, зато здорово и полезно, в отличие от нежных французских [Болотов 2012: 355].

Установлению этих немецких источников болотовской концепции счастья способствует то обстоятельство, что некоторые из них неоднократно указывались им самим в различных записках и письмах. Увлечение философией возникло у Болотова в юности в период его четырехлетней жизни в Кёнигсберге во время Семилетней войны, и этим обусловлена специфика его философского образования: преимущественно немецкое влияние и знакомство с рядом источников из первых рук. Тогда же проявился и его интерес к теме счастья. В составленном в это время сборнике переводов из немецкой моралистической литературы [Памятная книжка 1762] есть два небольших эссе «О благополучии человеческого» и «О щастии», в которых уже можно увидеть идеи, позднее получившие развитие в «Путеводителе к счастью».

В результате мировоззренческих исканий кёнигсбергского периода (см.: [Rexheuser 1995; Рехсхойзер 1996; Артемьева 1996]) Болотов обратился к философской системе Х. А. Крузия (1715–1775). Философию Крузия Болотов называл «здравейшей и лутчайшей» и в дальнейшем не раз сожалел о неизвестности его учения в России (хотя следует добавить, что и в немецких научных кругах Крузий был не самым ведущим философом). Об этом Болотов пишет, например, в письме своему дальнему родственнику Н. С. Арцыбашеву в 1809 г. [Переписка двух родственников 1808–1809. Л. 38 об.], и следует подчеркнуть, что с момента первого знакомства с философией Крузия до написания этого письма прошло около 50 лет, а Болотов по-прежнему остался верен идеалам своей юности. Еще через десять лет, составляя автобиографию для «Словаря русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова), Болотов прямо указал, что именно на основании «крузианской» философии написан его «Путеводитель» [Болотов 2021: 104].

Более всего в философской системе Крузия Болотова привлекал раздел о свободе человека («телематология»), который он даже выучил наизусть. Перевод этого раздела (главы из «Наставления для благоразумной жизни», изданной в 1744 г. [Crusius 1744], или из более поздних переизданий этой работы 1751 либо 1767 г.), выполненный Болотовым, сохранился [Крузий. Нравоучение б. д.]. Хотя имя переводчика в рукописи не указано, авторство Болотова несомненно подтверждается монограммой на титульном листе и узнаваемым почерком. К аналогичному выводу пришел в свое время С. А. Венгеров в своем обзоре состояния болотовского рукописного наследия [Венгеров, Щепкина 1897: 118]. Изложенное Крузием обоснование идеи свободы волеизъявления, выражающейся прежде всего в сознательном подчинении Творцу, отношения с которым строятся не на страхе или ожидании милости, а на основании сознания морального долга, оказалась чрезвычайно близка Болотову, и в рассуждениях о возможности выбора богоугодных удовольствий и потребности в таком выборе Болотов следует за Крузием.

Необходимо отметить и влияние на болотовскую философию книги И. А. Гофмана (1676–1731) «О спокойствии и удовольствии человеческого». Это сочинение имело большой успех и после первой публикации в Гамбурге

в 1722 г. переиздавалось в XVIII в. более 20 раз. Вероятно, Болотов в Кёнигсберге читал ее в последнем к тому времени издании [Hoffmann 1757]. Впрочем, вскоре после этого вышло и ее первое издание на русском языке [Гофман 1762–1763]. Об этой книге Болотов писал в своих мемуарах, что она «послужила потом основанием всей последующей за сим моей хорошей философической жизни» [Болотов 1870–1873 (1): 896]. Во многом влиянием этого произведения следует объяснить выбор Болотовым структуры своего «Путеводителя» — конкретного руководства к достижению благополучия, ориентированного на широкий круг читателей, в котором сначала анализируется само понятие благополучия, потом рассматриваются различные способы его достижения и, наконец, даются практические советы по претворению их в жизнь. Гофман ставит на первое место этические проблемы и утверждает, что стремление к этическому идеалу изначально вложено в человека Богом. Как уже было сказано, подобная позиция была весьма близка Болотову и получила преломление в его собственных теоретических построениях.

В Кёнигсберге же Болотов познакомился и с упомянутыми выше ранними работами Зульцера (наряду с другими представителями немецкой «популярной философии», *Popularphilosophie*). В этих сочинениях, посвященных наслаждению природой, уже содержится основа позднее разработанной Зульцером теории чувствительности, ставшей весьма популярной и получившей признание в России в начале XIX в. (см. русский перевод: [Зульцер 1813]). В рамках своей теории Зульцер рассматривает присущую человеку особую способность познавать состояние души, испытывающей какие-либо чувства. Благодаря этой способности высшим удовольствием, по мнению Зульцера, является «мысленное». Болотов, в период написания и публикации «Путеводителя», по-видимому, не знакомый с философскими работами Зульцера 1770-х годов, шел приблизительно тем же путем, отдавая предпочтение натурологическому подходу. Примечательно, что в «Путеводителе» он приводит список из 13 рекомендуемых им натурологических сочинений немецких, французских и английских авторов, и обе ранние работы Зульцера занимают в нем два первых места [Болотов 2012: 671–673]. Преимущество этого подхода видится Болотову в том, что, с одной стороны, созерцание и понимание природы соединяет «чувственные» и «мысленные» увеселения, а с другой — позволяет пережить восторг от совершенства мира, сотворенного Богом. В итоге болотовский «Путеводитель к истинному человеческому счастью» во многом представляет собой Зульцерову «теорию удовольствий», но остановившуюся на «натурологическом» этапе ее развития и разработанную гораздо более детально, чем в ранних работах Зульцера.

К кёнигсбергскому этапу жизни Болотова относится также его пристальное внимание к трудам немецких протестантских богословов, которые удовлетворили потребности молодого человека в религиозном воспитании и просвещении и оказали наибольшее влияние на развитие у него религиозного чувства, являющегося важным инструментом восприятия окружающего мира. Хотя началось это знакомство с богословских работ того же Крузия (что, несомненно, укрепило приверженность Болотова к крузианской философии), для нашей темы важно отметить опубликованные Болотовым в 1783 г. (за год до издания «Путеводителя к счастью») «Рассуждения о начале

и конце нынешнего и о состоянии будущего мира» [Гёце 1783], являющиеся переводом сочинения немецкого богослова И. М. Гёце (1717–1786) [Göze 1765]. Позиция Гёце отчасти совпадает с мнением Зульцера относительно заложенной в человека потребности действовать в соответствии с волей Творца, т. е. в первую очередь познавать этот мир и находить в этом познании истинное наслаждение. Кроме того, по мнению Гёце, душа находится в состоянии подготовки к перемещению в мир иной и потому ищет не сиюминутных наслаждений, а тех, которые могут принести ей дальнейшую пользу. В своем философском «руководстве» Болотов также говорит о необходимости помнить, что человека ждет иная жизнь, которая и является «основным концом» жизни земной.

Не претендуя на роль автора оригинальной философской системы, Болотов, однако, активно пропагандировал свои труды, выступая в роли просветителя, знакомящего русского читателя с достижениями западных философов, «славных в свете». Об этом можно найти множество упоминаний в его мемуарах. Во-первых, «Путеводитель» активно использовался им в семейном кругу. Характерный эпизод относится к 1790 году, когда у Болотовых гостили кашинские племянницы Андрея Тимофеевича, Надежда и Анна Травины (оба в это время было уже далеко за 30 лет):

Однажды, будучи в Ламках, завели мы с сыном при всех как-то ненадолго, один весьма важный философический разговор. И как обоим племянницам моим, бравшим в нем соучастие, он отменно полюбился и речь доходила у нас, между прочим, и до моего «Путеводителя», то восхотелось им с сею книгою моего сочинения короче познакомиться. А поелику мне хотелось произвести ею им более удовольствия и существенной пользы, то и решился я им всю ее прочесть в слух и с подлежащими везде изъяснениями сам, и употребить к тому праздные и свободные вечера. И в сем-то приятном и для меня, и для них деле упражнялся я многие вечера. И к удовольствию моему, оне так разохотились читаемое мною слушать, и слушали с таким вниманием усердным и с такую чувствительностию, что я не мог тому довольно нарадоваться и с превеликою охотою и удовольствием производил сие дело [Болотов 1870–1873 (4): 739–740].

Показательно в этой ситуации участие сына. Павел Андреевич был главным адресатом болотовских мемуаров и его преданным соратником во многих начинаниях. Поэтому он вполне закономерно выступает в этом эпизоде проповедником жизненной философии своего отца.

Во-вторых, Болотов стремился вручить свой труд каждому, кто, по его мнению, в этом нуждался. В 1773 г. он подарил еще не законченную и собственноручно переписанную часть «Путеводителя» молодому вольтерьянцу А. Е. Щербину, сыну харьковского губернатора и каширского соседа автора [Болотов 1870–1873 (3): 164–166]. А едва получив в 1784 г. авторские экземпляры, первым делом вручил один из них своему знакомому, коломенскому иеромонаху Иерониму, в надежде, что «Путеводитель» поможет ему «себя исправить и преодолеть страсть, его губившу». Далее автор мемуаров сообщает, что подарок произвел ожидаемое действие:

Не могу изобразить, с каким удовольствием читал я впоследствии времени его о том уведомление и те благодарения, им мне за то приносимые [Болотов 1870–1873 (3): 1136].

Наконец, в своих многочисленных текстах автобиографического характера, включающих, помимо собственно мемуаров, различные дополнения к ним, дневники, письма и эссе, Болотов постоянно подчеркивал, что он доволен жизнью, благополучен, весел и т. д., т. е. счастлив благодаря своей философии. Например, дневник 1772 г. он начинает с такого рассуждения:

Чтобы записать, в каком состоянии были мы при начале сего года, то скажу, что по благодати всемогущего Зиждителя был я со всею моею семьею совершенно здоров и всем доволен. <...> А в прочем не знаю, чего бы мне не доставало. Здоров я был во весь год, платье имел с ношу, а хлеба с душу. Люди добрые знали, а то всего лучше, не имел я ни с кем ссоры и не нажил себе ни одного неприятеля, приятелей же и знакомцев число приумножил. Все знающие меня жаловали и любили, и по милости Создателя моего носил я повсюду имя доброго человека <...> в сих утешительных помышлениях начинаю и сей год, предаю себя совершенно во власть своего Господа, не заботюсь о том, что со мною в наступающий год воспоследует: он пускай управляет всем и будет распорядителем моих дел обстоятельств и приключений [Домашний исторической журнал 1772. Л. 2–3].

Следует отметить, что такой зачин вообще часто встречается в болотовских автобиографических повествованиях при описании начала года и при подведении итогов. Например, в подробных записках дневникового типа, составленных Болотовым в 1802 г. к своему 65-летию, содержится сопоставление собственного спокойствия и благополучия с вечным беспокойством и недовольством жены, А. М. Болотовой, так и не овладевшей приемами философии супруга [Болотов 1933: 166].

Наиболее последовательно образец «правильной», а потому благополучной жизни Болотов демонстрирует в своих мемуарах, которые обращены прежде всего к потомкам Андрея Тимофеевича, а потому имеют еще и выраженный дидактический характер. Обращает на себя внимание, что болотовский этический идеал отнюдь не презентуется им как новаторский, а скорее вписывается в категории традиционной религиозности: он доступен и понятен достойным и здравомыслящим людям, по-видимому, интуитивно. Так, вспоминая о последних напутствиях, которые давал ему умерший в 1750 г. отец, Болотов вкладывает в его уста следующие слова (с которыми он, очевидно, вполне солидаризируется):

Старайся во всю жизнь твою и всего паче бояться, любить и почитать сего всемогущего Бога и Творца нашего и во всем на него полагаться. Никогда ты в том не раскаешься, он во всех нуждах будет твоим покровителем и помощником. Будь к нему прибежен с самых теперешних твоих лет и всегда возлагай надежду и упование свое на него. Ты счастлив будешь, ежели сие исполнишь... живи, мой друг,

порядочно и постоянно. Будешь хорошо жить — и тебе самому хорошо будет, а худо себя поведешь — будет и тебе худо. Помни это твердо и никогда не забывай [Болотов 1870–1873 (1): 118–119].

Таким образом, немецкая философия и развитая Болотовым на ее основе собственная «теория удовольствий» выступают в дальнейшем, во-первых, в качестве доказательства истинности этого идеала счастливой жизни и, во-вторых, как набор рекомендаций и способов его практического достижения. На примере многочисленных жизненных ситуаций Болотов в своих воспоминаниях показывает, как философия помогла ему справиться с серьезными страданиями, например, в случае с несчастной влюбленностью [Болотов 1870–1873 (2): 430–432] и даже со смертельными опасностями: так, самообладание позволило ему избежать дуэли [Там же (1): 979–981]. В других эпизодах следование «теории удовольствий» помогало Болотову делать правильный выбор в служебных, семейных и имущественных делах, а также насыщать свою повседневную жизнь интеллектуальным трудом и соответствующими его желаниям и склонностям увеселениями. Все это призвано свидетельствовать, что Господь хранит автора мемуаров, и это напрямую связано с его верой в Творца, добродетельным поведением и выбором правильных философских установок.

Если же принять во внимание, что автобиографические новеллы, составляющие значительную часть мемуарного текста, скорее всего, на протяжении многих лет воспроизводились Болотовым устно (см.: [Милютин 2020: 61–62]) в рамках светского общения с друзьями, соседями, сослуживцами и деловыми партнерами, то значение философии счастья в жизни Болотова становится еще более очевидным. Практически на всем пространстве его обширного мемуарного текста красной нитью проходит мысль о позитивном восприятии автора воспоминаний большинством окружающих его людей. Многократно повторяются ситуации, в которых описание первого краткого знакомства, встречи на домашнем приеме или делового контакта завершаются сентенцией вроде «я имел счастье всем полюбовиться». Впрочем, очевидно, что подобные сюжеты в мемуарном тексте не только отражали самооценку автора и восприятие им своего жизненного пути, но и имели важное дидактическое содержание. Отметим, что в мемуарах нередко появляются эпизоды конфликтного характера: Болотов далеко не всегда всем приятен, подчас он становится жертвой зависти, насмешек и интриг (а не только объективно тяжелых внешних обстоятельств, например военных), а его философия и этические принципы не встречают сочувствия (тема умолчаний в воспоминаниях также должна приниматься во внимание). Однако все эти случаи, как правило, либо находят объяснение в отрицательных свойствах недоброжелателей (глупость, непросвещенность, «подлый нрав», скверный характер и т. п.), либо выступают в качестве уроков, из которых автор мемуаров делает выводы, укрепляющие его в вере в Творца и верности своей философии. Показательно, что люди просвещенные почти всегда испытывают к Болотову добрые чувства. Так, при описании упомянутого выше случая с «вольтерьянцем и вольфианцем» Щербининым-младшим Болотов подчеркивает свои опасения, что «Путеводитель» будет отвергнут и осмеян носителем чуждых философских взглядов, и немалое удивление и удовольствие от того, что эти опасения не оправдались [Болотов 1870–1873 (3): 165–166, 186].

В завершение добавим, что именно такая самопрезентация являлась для Болотова оправданием его «права на биографию». Создавая рассказ о себе и сознавая свою неисклнучительность, Болотов, практически не имевший перед глазами образцов жанра, очевидно нуждался в таком оправдании. История создания мемуаров показывает, что он постепенно шел от адресации узкому кругу родных и близких к все более многочисленной читательской аудитории (см.: [Веселова, Милютин 2020]). И существенную роль в этом процессе, несомненно, сыграло постепенное превращение его мемуарного повествования в рассказ о человеке, знающем рецепт счастливой жизни и готовым поделиться им с теми, «кои иметь нравоучение похочут».

Источники

О п у б л и к о в а н н ы е

- Болотов 1784 — [Болотов А. Т.] Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго. Ч. 1–3. М.: Университет. тип., у Н. Новикова, 1784.
- Болотов 1870–1873 — [Болотов А. Т.] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Под ред. М. И. Семевского: В 4 т. СПб.: Печатня В. Голвина, тип. В. Балашева, 1870–1873.
- Болотов 1933 — [Болотов А. Т.] 65-ой год моей жизни или Подробное описание всего, происходившего со мною с 7 числа октября 1802 г. Ч. 1. Письмо первое / Публ. И. Морозова // Литературное наследство. Т. 9–10. 1933. С. 166–172.
- Болотов 2012 — Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью // Болотов А. Т. Детская философия / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Петрополис, 2012. С. 351–847.
- Болотов 2021 — Болотов А. Т. Автобиография // Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Сост. А. Ю. Веселова, М. П. Милютин и др. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 97–126.
- Гёце 1783 — [Гёце И. М.] Иоанна Мельхиора Гецена рассуждение о начале и конце нынешнего и состоянии будущего мира / Пер. с нем. А. Б. М.: В Университет. тип., у Н. Новикова, 1783.
- Гофман 1762–1763 — [Гофман И. А.] Иоанна Адольфа Гофмана о спокойствии и удовольствии человеческом, с Немецкого языка переведена Сергеем Волчковым. Ч. 1–2. СПб.: При Сенате, 1762–1763.
- Зульцер 1777 — [Зульцер И. Г.] Иоганна Георга Сульцера разговоры о красоте естества: с его же нравственными рассуждениями о особенных предметах естественной науки. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777.
- Зульцер 1813 — [Зульцер И. Г.] Новая теория удовольствий, сочинение Зульцера, переведенное с французского языка Иваном Левитским. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1813.
- Crusius 1744 — Crusius Chr. A. Anweisung vernünftig zu leben. Leipzig: Gleditsch, 1744.
- Göze 1765 — Göze J. M. Betrachtungen über die Zustand der Welt, und der Menschen, nach dem jüngsten Gerichte. Breslau; Leipzig: Korn, 1765.
- Hoffmann 1757 — Hoffmann J. A. Zwey Bücher von der Zufriedenheit: nach den Gründen der Vernunft und des Glaubens. 12. Aufl. Hamburg; Leipzig: Heilmann, 1757.

Sulzer 1745 — *Sulzer J. G. Versuch einiger Moralischen Betrachtungen über die Werke der Natur*. Berlin: Haude, 1745.

Sulzer 1750 — *Sulzer J. G. Unterredungen über die Schönheit der Natur*. Berlin: Haude und Spener, 1750.

Архивные

Домашний исторической журнал 1772 — [Болотов А. Т.] Домашний исторической журнал 1772 года (НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1. Ед. хр. 3).

Крузий. Нравоучение б. д. — *Крузий Христиан Август*. Нравоучение или наставление как жить благоразумно. Пер. с нем. яз. (ОР РНБ. Ф. 536. Собрание ОЛДП. Ед. хр. 2093 (Q.328)).

Ни то ни се 1820 — [Болотов А. Т.] Ни то ни се, или Кое-что могущее служить в пользу тому, кто иметь ее похочет. Ч. 2 (НИОР БАН Ф. 69. № 28).

Опыт руководства 1788 — [Болотов А. Т.] Опыт руководства к описыванию красоты и приятностей природы (НИОР БАН. Ф. 69. № 186).

Памятная книжка 1762 — [Болотов А. Т.] Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных в Кенигсберге (НИОР БАН. Ф. 69. № 22).

Переписка двух родственников 1808–1809 — Переписка двух родственников, живущих в отдалении и не знающих друг друга лично. 1808–1809 (НИОР БАН. Ф. 69. № 12).

Продолжение описания моей жизни 1793–1794 — [Болотов А. Т.] Продолжение описания моей жизни, состоящее в ежедневных записках всего со мною случившегося в 1793 и 1794 годах (РО ИРЛИ. Ф. 375. Ед. хр. 32).

Собрание мелких сочинений 1794 — [Болотов А. Т.] Собрание мелких сочинений в стихах и в прозе Андрея Болотова. Т. 1 (ОР РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 65).

Сокращения

НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург).

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Литература

Артемьева 1996 — *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетейя, 1996.

Венгеров, Щепкина 1897 — *Венгеров С. А., Щепкина Е. Н.* Болотов Андрей Тимофеевич // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Т. 5. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. С. 90–122.

Веселова 2014 — *Веселова А. Ю.* Натурологическая поэзия А. Т. Болотова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (12–14 марта 2014 г., Череповец) / Отв. ред. Н. В. Володина, Е. В. Грудева, Е. Е. Соловьева. Череповец: ЧГУ, 2014. С. 28–34.

Веселова, Милютин 2020 — *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* Мемуары А. Т. Болотова: история создания // Русская литература. 2020. № 3. С. 165–182.

- Веселова, Милиутин 2021 — *Веселова А. Ю., Милиутин М. П.* Жизнь и приключения счастливого человека // Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Сост. А. Ю. Веселова, М. П. Милиутин и др. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 11–96.
- Демиховский 1993 — *Демиховский А. К.* А. Т. Болотов — поэт и философ природы // Болотов А. Т. Избранное. Псков: ПОИПКРО, 1993. С. 125–132.
- Милиутин 2020 — *Милиутин М. П.* Инструменты памяти: лаборатория мемуаров Андрея Болотова // *AvtobiografiЯ*. No. 9. 2020. С. 45–64.
- Рексхойзер 1996 — *Рексхойзер А.* Православная религиозность и западное образование в России конца XVIII — начала XIX веков. Андрей Болотов // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1993 / [Отв. ред. А. В. Михайлов]. М.: Наследие, 1996. С. 220–262.
- Rexheuser 1995 — *Rexheuser A.* Andrej Bolotov. Königsberg als Bildungserlebnis eines russischen Aufklärers // *Königsberg und Riga* / Hrsg. H. Ischreyt. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 87–121.

References

- Artem'eva, T. V. (1996). *Istoriia metafiziki v Rossii XVIII veka* [The history of metaphysics in 18th century Russia]. Aleteia. (In Russian).
- Demikhovskii, A. K. (1993). A. T. Bolotov — poet i filosof prirody [A. T. Bolotov — poet and philosopher of nature]. In A. T. Bolotov. *Izbrannoe* (pp. 125–132). POIPKRO. (In Russian).
- Miliutin, M. P. (2020). Instrumenty pamiati: laboratorii memuarov Andreia Bolotova [Memory tools: A. T. Bolotov's memoirs laboratory]. *AvtobiografiЯ*, 9, 45–64. (In Russian).
- Rekshoizer [= Rexheuser], A. (1996). Pravoslavnaia religioznost' i zapadnoe obrazovanie v Rossii kontsa XVIII — nachala XIX vekov. Andrei Bolotov [Orthodox religiosity and Western education in Russia in the late 18th — early 19th centuries. Andrey Bolotov]. In A. V. Mikhailov (Ed.). *Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniia. 1993* (pp. 220–262). Nasledie. (In Russian).
- Rexheuser, A. (1995). Andrej Bolotov. Königsberg als Bildungserlebnis eines russischen Aufklärers. In H. Ischreyt (Ed.). *Königsberg und Riga* (pp. 87–121). Niemeyer. (In German).
- Vengerov, S. A., & Shchepkina, E. N. (1897). Bolotov Andrei Timofeevich [Bolotov Andrey Timofeevich]. In S. A. Vengerov. *Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh* (Vol. 5, pp. 90–122). Tipografiia M. M. Stasiulevicha. (In Russian).
- Veselova, A. Yu. (2014). Naturologicheskaiia poeziia A. T. Bolotova [Naturological poetry of A. T. Bolotov]. In N. V. Volodina, E. V. Grudeva, & E. E. Solov'eva (Eds.). *Pamiat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse (pamiati R. M. Lazarchuk): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (12–14 marta 2014 g., Cherepovets)* (pp. 28–34). ChGU. (In Russian).
- Veselova, A. Yu., & Miliutin, M. P. (2020). Memuary A. T. Bolotova: istoriia sozdaniia [Memoirs of A. T. Bolotov: the history of creation]. *Russkaia literatura*, 2020(3), 165–182. (In Russian).
- Veselova, A. Yu., & Miliutin, M. P. (2021). Zhizn' i priklucheniia schastlivogo cheloveka [The life and adventures of a Happy Man]. In A. T. Bolotov. *Zhizn' i priklucheniia Andreia Bolotova, opisannye samim im dlia svoikh potomkov* (A. Yu. Veselova, M. P. Miliutin et al., Eds.) (Vol. 1, Pt. 2, pp. 11–96). Pushkinskii Dom. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Александра Юрьевна Веселова

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, отдел
русской литературы XVIII века,
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Тел.: +7 (812) 328-19-01
✉ aveselova@inbox.ru*

Aleksandra Yu. Veselova

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Department of 18th
Century Russian Literature, Institute of
Russian Literature (Pushkin House) of RAS
Russia, 199034, St. Petersburg, Makarova
Emb., 4
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ aveselova@inbox.ru*

Михаил Павлович Милютин

*преподаватель, Академическая гимназия
им. Д. К. Фаддеева СПбГУ
Россия, 199155, Санкт-Петербург, пер.
Каховского, 9.
Тел.: +7 (812) 322-53-15
✉ miljutin777@yandex.ru*

Mikhail P. Miliutin

*Lecturer, Faddeev Academic Gymnasium
of St. Petersburg State University
Russia, 199155, St. Petersburg,
Kakhovskogo Lane, 9
Tel.: +7 (812) 322-53-15
✉ miljutin777@yandex.ru*